

19 ЯНВ 1952

СО ЗРИТЕЛЕМ НАДО ГОВОРИТЬ СЕРЬЕЗНО!

Как-то очень спокойно и тихо было вокруг, не видно было людей, собирающихся группами, в тесный кружок, не слышно споров, всегда возникающих среди зрителей, взволнованных только что увиденным. А ведь добрых две трети зрителей спектакля «Первая симфония» (автор пьесы А. Гладков) составляла молодежь, которая находилась в своем театре, театре имени Ленинского комсомола.

Театр этот не раз упрекали за то, что он мало уделяет внимания пьесам о молодежи, что на его сцене гораздо реже, чем бы того хотелось, появляются молодые современники, молодые строители коммунизма. Подобные упреки правомерны: театр, носящий имя Ленинского комсомола, должен чаще обращаться к судьбам молодого поколения. Но, право же, в конечном итоге дело вовсе не в том, сколько на его сцене будет идти «молодежных пьес» — три или пять. Главное — с чем театр обращается к зрителю, выступает ли в роли мудрого воспитателя, помощника молодежи.

В репертуаре, что сегодня предлагается зрителям Театра им. Ленинского комсомола, как раз нет недостатка в спектаклях, посвященных молодежи. Герои последних постановок — люди того поколения, о котором говорят, что оно «выступает в жизнь». Но, странное дело, показывая юношей и девушек в пору становления их характеров, в том возрасте, когда особенно остро встают перед ними сложные вопросы жизни, театр, как правило, уходит от большого, принципиального, смелого разговора, не поднимается до широких раздумий над жизнью. Частное выдвигается за общее. Действительные конфликты поднимаются мнимой сложностью взаимоотношений, большие, глубокие мысли — мелким философствованием.

* * *

Белый плюшевый занавес, на его фоне — раскрытый рояль, торжественные звуки музыки как бы вводят зрителя в атмосферу высокого, необычного. Пятьдесят лет назад композитор Тугаринов, потерпев фиаско у великосветских кавказзаточков, снал свою первую симфонию, а сегодня ее с успехом исполняет Виктор Шорня, ученик профессора, непонятый и раскритикованный им. Пятьдесят лет назад от Тугаринова ушла любимая женщина, оставив его в самые трудные минуты жизни, а сегодня она со слезами на глазах преподносит ему пышный букет сирени, а он не узнает ее. Пятьдесят лет назад Тугаринов (непонятно почему) поссорился со своим

лучшим другом — дирижером Самборским, а сегодня под занавес происходит их примирение. Время приносит заслуженное признание, восстанавливает справедливость, приводит к всеобщему благополучию.

В центре спектакля — два композитора: профессор Тугаринов (А. Вовси) и студент консерватории Виктор Шорня (Л. Марков). Скрещивая их судьбы, драматург настойчиво подчеркивает «похожесть» учителя и ученика, сходство их творческих биографий. Тугаринов своенравен, чудак, эксцентричен — и в юности есть нечто дерзкое, актрывагантное. Тугаринов, конечно, рассеян — ну и Шорня «выпадает в облаках». Тугаринов получил позднее признание, и Шорня приходит к успеху через трудности — учитель не сразу понял своего ученика. Так «открывается» столетиями повторявшаяся истина о том, что «судьба истинного таланта всегда трудна».

Чем же привлекла театр эта пьеса? Темой борьбы и творческих исканий? Но она только подразумевается, а никак не раскрыта в действиях, в характерах, которые также заменяются условными характеристиками. Ведь в пьесе нет настоящего конфликта, герои не вступают в серьезные столкновения друг с другом, не испытывают напряженной внутренней борьбы. Они ничего не несут в себе, ничего не утверждают, никого не опровергают. Приятные звуки музыки, раздающиеся время от времени в спектакле, — единственное подтверждение талантливости ее авторов. Внутренняя неудовлетворенность, сомнения, неустанные поиски — все это, несмотря на многочисленные разговоры на эту тему, по существу выведено за рамки пьесы и спектакля, ибо нельзя же все время принимать скептическую гримасу, покусывание губ, расслабленные движения Л. Маркова — Шорня за выражение творческих мук.

Отсутствие значительной мысли, традиционные авторские решения очень затрудняют работу всех исполнителей (особенно талантливого артиста А. Вовси, который вынужден ограничиваться графически точным внешним рисунком роли Тугаринова) и режиссеров — С. Гиацинтовой и А. Рубо. Будучи не в силах преодолеть условность и бессодержательность основной сюжетной линии произведения, режиссура как бы «взяла реванш» во второстепенных сценах пьесы, сосредоточив внимание на бытовых подробностях, проявив выдумку в комедийных впадоках.

Однако, если в «Первой симфонии» убогость содержания как-то припрята, замаскирована романтическим флером, то мелкотравчатость «философии» пьесы А. Городецкого «Они встретились в поезде» лежит, что называется, на поверхности.

«Держите свою птицу-счастье за хвост, не отпускайте ни на минуту; молодое сердце — безгазовое, глухое, неровен час, придет кто-нибудь другой, поманит, сделает красивый, эффектный жест — и улетит птица, поминим как звали», — примерно так поучает жизнейской мудрости Павел Христофорович Княпиков друга своей дочери Нюшки — Федю Бычкова.

В пьесе все и происходит именно так, как подсказывает Княпиков. Любил Нюшу, хотя и не признавался ей прямо в этом Федя; назло, отношения их крепки и прочны — вместе даже собра-

лись уезжать работать на целинные земли. Но встретились Нюшке в дачном пределе начинающий драматург Александр Касторов, умеющий произносить высокие слова, с пафосом читать стихи, — и пропала девушка, ведь, как утверждает тот же Княпиков, «много ли нужно, чтобы вскружить голову такой простоте...»

В спектакле, поставленном С. Штейном, Александр (А. Шешко) ясен с самого начала. Мы ничуть не обольщаемся его качествами — ничтожество, пошлость Александра заявлены автором настолько откровенно, что даже при всей наивности Нюши (Г. Матвеева) их трудно не заметить. Но она не замечает! И только судебная повестка — иск о разделе имущества, предъявленный Александром его бывшей жене, отрезвляет Нюшу.

Итак, девицы-красавицы, не будите столь простодушны и легковесны, а вы, юноши, обязательно приучайтесь выражать свои чувства возмущенно, в противном случае вас променяют на настоящих!

Но правомерно ли с такой «моральной» обращать к широкой аудитории, являющейся показывать на сцене частную историю неужадного романа, просто житейский факт, не обогащенный широтой авторского взгляда на действительность? Ведь в том, как показаны взаимоотношения Нюши и Александра, нет ничего такого, что выходило бы за рамки узколичных судеб героев, становилось бы предметом общественного интереса.

Да, Александр разоблачен. Но это разоблачение в финале происходит только для Нюши. Зрители-то сделали свои заключения об этом персонаже еще в первом акте. Следовательно, им он опасен — остается только частный случай в частной жизни Нюши Княпиковой. Именно частный случай, потому что история с Касторовым не обернулась для Нюши серьезной драмой, не стала поводом для правильного осмысления жизни. И хотя героиня «под занавес» не сдерживает слез и плачет, «опускаясь на туалетный столик», в соседней комнате уже раздаются веселые звуки рояля, подтверждающие добрые слова Федю о том, что «ничего не случилось».

* * *

И «Первая симфония» и «Они встретились в поезде» показывают: вместо того чтобы вести разговор о вещах действительно насущных и волнующих, вместо того чтобы закрывать то хорошее и важное, что было уже достигнуто в некоторых своих постановках, театр часто удовлетворяется мнимыми проблемами, мелкими решениями. А это, в свою очередь, естественно, влияет на мастерство, на художественный уровень спектаклей — знакомые схемы тормозят творческое мышление, мешают поискам свежего, нового.

Сегодняшние замыслы коллектива, его планы на будущее обнадеживают. И «Первая симфония» Вс. Вишневского — ближайшая премьера, и «Походный марш» А. Галача, и «Фабричная дочка» А. Володина, и «Взрослые дети» А. Заха и И. Кузнецова, принятые и поставленные, — это уже понятно, как-то определить свою позицию, завести разговор со зрителем всерьез. Если эти намерения будут осуществлены, воплотятся в ярких художественных образах, тот холодок, что господствует сейчас на многих спектаклях — в зале и на сцене, — сменит горячая новизна, возникнет живое, тесное общение зрителя и театра.

Н. ИГНАТЬЕВА.